

Грибанова Г.И., Юдин В.И.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Грибанова Галина Исааковна — доктор социологических наук, профессор, зав. каф. международных политических процессов Санкт-Петербургского государственного университета. Эл. почта: GGribanova@yandex.ru

Юдин Валерий Иванович — доктор политических наук, эксперт Фонда поддержки межнациональной культуры и общественных международных отношений. Эл. почта: Valeriyudin@yandex.ru

Аннотация. Во многих странах Латинской Америки коренные народы составляют значительную часть электората, что создает потенциальные возможности их активного участия в формировании властных структур. Однако на протяжении долгого времени правящие элиты стремились ограничить их представительство на всех уровнях государственной власти и местного самоуправления. Ситуация стала меняться только после начавшегося в 1980-ые годы процесса демократизации политических систем и режимов. В статье на основе методологии сравнительного анализа дается оценка успехов и неудач движений коренных народов, добивающихся адекватного представительства своих интересов в различных странах Латинской Америки. Особое внимание уделено проблеме создания собственных политических партий, способных представлять и отстаивать не только права коренных жителей, но и в целом способствовать демократизации политических процессов в регионе, расширяя границы представительной демократии в достаточно сложных социально-экономических и институциональных условиях.

Ключевые слова: международное право, Латинская Америка, коренные народы, индейцы, кечуа, аймара, Мексика, Перу, Эквадор, Боливия, представительство, политические партии, выборы.

Ссылка для цитирования: Грибанова Г.И., Юдин В.И. Политическое представительство коренных народов Латинской Америки: проблемы и перспективы // Представительная власть — XXI век. 2024. — № 4. С. 33–40.

DOI: 10.54449/20739532_2024_4_33

По данным Организации Объединенных Наций сегодня примерно в 70 странах мира насчитывается всего около 370 миллионов человек, относящихся к категории так называемых «коренных народов» [1]. При этом Латинская Америка является домом для более чем 800 различных коренных народов с общей численностью населения 45 миллионов человек. В некоторых странах, таких как Боливия или Гватемала, от 41 до 60 процентов населения (в зависимости от используемой статистики) составляют коренные народы. В Перу и Эквадоре к ним относится более четверти населения,

а в Мексике — 15% [2]. Таким образом, в отличие от других регионов, где коренные народы, как правило, составляют незначительный процент населения, в Латинской Америки они представляют собой важную часть жителей, а, соответственно, и граждан, в принципе обладающих всей совокупностью политических прав. Не случайно вопросу об участии индейцев в политических процессах, происходящих в странах их проживания, было уделено определённое внимание со стороны российских специалистов. В этой связи, на наш взгляд, следует, в первую очередь отметить работы А.А. Шинкаренко [3; 4; 5], дис-

сертацию Э. Бидини [6], а также крайне содержательную статью представителя МИД РФ С.М. Кретова [7]. Однако все они опубликованы достаточно давно и отражают ситуацию первого десятилетия XXI века. В условиях же резкого ускорения политических процессов даже за 5-10 лет ситуация в ряде случаев меняется коренным образом. Именно эти изменения, как и в целом новая политическая реальность, сложившаяся в целом ряде стран Латинской Америки, требуют, на наш взгляд, научного анализа.

Как и в других частях земного шара, именно коренные народы остаются основными хранителями мирового этнического и культурного разнообразия, которое провозглашается всеобщей ценностью человечества, но зачастую реально поддерживается лишь усилиями самих коренных народов, преодолевающих с большим трудом равнодушие, а иногда и противодействие национальных государств, и давление доминирующего населения.

Одним из основополагающих прав коренных народов в современном международном праве является право на представительство. Оно четко зафиксировано в таком важнейшем документе, как Декларация ООН о коренных народах, принятом Генеральной Ассамблеей ООН в 2007 году [8]. В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, насколько успешно реализовано это их право в политической жизни соответствующих государств. Иначе говоря, важно оценить степень их представительства в органах государственной власти и местного самоуправления. Именно на этот вопрос, мы и постараемся ответить в нашей статье, опираясь на результаты сравнительного анализа ситуации в тех латиноамериканских странах, где коренные народы составляют значительную часть населения.

Представительство коренных народов в политической жизни может реализовываться в четырех основных формах: (1) местные властные структуры, такие как комитеты местной администрации и другие формы общественного самоуправления и администрирования; (2) организации гражданского общества, занимающиеся правами коренного населения и состоящие, как из самих представителей коренных народов, так и тех людей, которые стремятся поддержать их в их борьбе за свои права; (3) общественные движения и протестные группы, которые противостоят государству; и (4) участие в выборах на всех уровнях.

Местное самоуправление как тип политического участия относится к внутренней жизни общин, а в некоторых случаях и регио-

нов. Это институциональные механизмы, которые коренные народы разрабатывают и используют для осуществления контроля над своими ресурсами, организации жизни членов своих общин и поддержания необходимых для их благополучия отношений с другими субъектами за пределами общины. Среди наиболее удачных примеров организации самоуправления коренных народов следует, в первую очередь, отметить такие, как Fogatas в Черане и общественная полиция в Герреро (Мексика); Индейская гвардия в Колумбии; Rondas Campesinas и Guardianes de las Lagunas в Перу; а также самопровозглашенные сапатистские автономные муниципалитеты в Мексике. Все эти структуры местного самоуправления были в последние десятилетия созданы общинами латиноамериканских индейцев для защиты своих сообществ и территорий путём осуществления контроля на уровне общин над организованной преступностью и деятельностью компаний, занимающихся добычей полезных ископаемых на землях, традиционного проживания коренных народов.

Говоря об участии коренных народов в деятельности различного рода структур гражданского общества, следует особо подчеркнуть их стремление к коллективному действию. Оно может реализовываться через низовые общественные организации, крестьянские ассоциации, кооперативы или производственные ассоциации, крестьянские союзы и/или другие ассоциативные формы, существующие на общинном и местном уровнях в Латинской Америке. Индивидуальное личное участие пока не только не является предпочтительным для большинства групп коренных народов, но и может даже вызвать негативную реакцию в некоторых общинах, так как они отдают приоритет коллективным (групповым) правам перед индивидуальными.

Такого рода местные или субнациональные организации, необязательно созданные с политической целью, играют центральную роль в создании сетей и альянсов, которые значительно обогатили движения в разных странах. И здесь мы видим множество примеров взаимодействия между ассоциациями коренных и некоренных народов. Более того, гражданское общество в целом оказывает помощь группам коренных народов, формируя общественное мнение и закладывая основу для дискуссий о правах человека и коренных народов, а также дебатов об окружающей среде, борьбе с бедностью и демократии, прокладывая, таким образом, путь к признанию и легитимации. Так было

в случае «ECUARINARI» («Пробуждение эквадорских индейцев») и Андской «CONFENAE», которые, объединившись, сформировали CONAIE — Конфедерацию национальных меньшинств Эквадора [9]. Аналогичным образом, путём объединения 8 различных организаций, была создана CIDOB (Конфедерация коренных народов Востока Чако и Амазонии) в Боливии [10]. В Гватемале идёт постоянная координация деятельности Ассоциации женщин майя *Ma'awil Q'ij*, CONIC (Национального координатора коренных народов и крестьян) и COMG (Совета организаций майя) [11]. Интересно отметить, что практически все названные нами организации базируются на принципах этнической солидарности, отказываясь при этом от преимущественно классового дискурса других социальных движений.

Общественные движения коренных народов являются основой для переговоров и защиты этнических интересов и отстаивания прав коренных народов в Латинской Америке. Они также являются основной формой взаимоотношений между группами коренных народов и государствами. Специфика латиноамериканских движений заключается в том, что, несмотря на некоторую институционализацию (особенно в Боливии и Эквадоре), они не отказались от инакомыслия, не потеряли способности к мобилизации и сопротивлению, а также готовности протестовать и заставлять правительства выслушивать себя. Напротив, создаётся впечатление, что после каждого достижения они разрабатывают новые инструменты для защиты и расширения своих прав, такие как, например, правовая мобилизация. Аналогичным образом, несмотря на идеологические изменения и смену поколений, движения не утратили конфронтационной составляющей и энергии в своих требованиях преобразования государства. Такие вопросы, как построение полиэтнического, поликультурного и полиязычного общества, территориальная автономия коренных народов и устойчивое экологическое развитие, лежащие в основе их требований, нередко вызывают раздражение у правящих латиноамериканских элит, воспринимающих эти движения и лидеров как своего рода аутсайдеров, грозящих нарушению стабильности и установленного порядка. Более того, движение коренных народов в Латинской Америке продемонстрировало заметную способность к самоанализу и выявлению своих собственных недостатков по отношению к государству. При этом особо следует отметить то, что, используя политические возможности и соответ-

ствующим образом адаптируя свой дискурс, они сохраняют верность своим историческим целям. Таким образом, они вынудили общество отказаться от представления о коренных народах как о простом социокультурном субъекте и перейти к пониманию коренных народов как политических акторов.

Определяющую роль в политическом представительстве коренных народов играет, естественно, участие в выборах и формы, которые оно приобретает. В большинстве стран Латинской Америки в течение длительного времени представители коренных народов выдвигали своих кандидатов в рамках существовавших политических партий. Однако эти кандидаты не обязательно в реальности представляли интересы своей этнической группы. Как правило, избранный представитель коренного населения после своей победы чаще всего становился послушным орудием в руках руководства той политической партии, которая его выдвинула. В настоящее время ситуация постепенно меняется. Особенно заметно это на национальном уровне в таких странах, как Боливия и Эквадор, и аналогичные тенденции уже ощутимы в Колумбии и в определённой степени в Гватемале. В других странах региона, таких как Чили, Мексика, Перу или Парагвай, это также происходит, но в большей степени на местном уровне.

Крайне интересен в этом плане пример Чили, где с 2013 года местные избранные лидеры коренных народов создали организацию, в которой все мэры, идентифицирующие себя как *мапуче*, участвуют в АМСАМ (Ассоциации муниципалитетов с мэрами *мапуче*). Эта организация действует очень активно, представляя интересы *мапуче* и коренных народов в средствах массовой информации. Кроме того, она инициировала создание в 2020 году Ассоциации, объединившей всех мэров и членов городских советов из числа коренных народов [12].

Несмотря на растущее число голосующих представителей коренных народов и на то, что в некоторых странах мы видим нарастающую активность соответствующих социальных движений, другие политические партии пока не предпринимают серьезных усилий для реального учета требований коренных народов.

Другой центральный вопрос заключается в том, что партии коренных народов всё ещё очень малочисленны в регионе. За исключением Боливии и Эквадора, в других странах они только ещё зарождаются. Например, в случае Мексики, где, как утверждается, проживает

около 25 миллионов представителей народов, которые считают себя коренными, нет национальных партий коренных народов и только одна региональная партия, которая почти не набирает голосов на выборах [13]. Объяснения этому могут быть различными. Так, можно предположить, что людям со схожей культурой, таким как аймара — в случае Боливии, легче организоваться в партию. Однако в Перу, где основным коренным народом являются кечуа (составляющие более 23% всего населения страны) мы не находим сформированную им политическую партию [14]. Другое объяснение может быть связано с фактором отсутствия компактного проживания коренных народов на определённой территории, что затрудняет формирование общей повестки дня и, следовательно, партии, как это мы видим, например, в случае Мексики [15]. Конечно, сравнивать эту страну с Эквадором вряд ли целесообразно из-за больших различий в масштабах страны и культурном разнообразии, но если мы сравним Эквадор с Гватемалой, то очевидно, что дело не в территориальном расселении народов. При том, что в Гватемале коренные народы составляют 41% населения, партия «Вместе за Гватемалу», отстаивающая их интересы, сколько-нибудь серьёзной поддержкой среди избирателей не пользуется. И если в 2007 году ей удалось получить в парламенте 4 места, в 2015 году — 18 мест, то на выборах 2019 года, получив менее 2% голосов, она не получила ни одного места [16].

Скорее всего, неспособность создать национальную или даже региональную партию коренится в ряде эндогенных и экзогенных факторов. Эндогенными факторами являются проблемы, связанные с отсутствием интереса к электронным формам политики из-за предпочтения, отдаваемого общинному самоуправлению и собственным традиционным формам ведения политики. Споры, а нередко и разногласия между группами коренных народов усугубляются культурными, языковыми и религиозными различиями; и, что более важно, отсутствием общего чувства самобытности коренных народов у групп, которые чаще всего разбросаны, а иногда даже не связаны друг с другом. Все эти моменты препятствуют единству и, следовательно, появлению их общенациональных партий. Однако важно также признать, что в настоящее время в большинстве государств Латинской Америки можно наблюдать растущее взаимодействие между различными группами коренных народов. Растущее число требований позволяет формиро-

вать общие политические программы, альянсы и самоидентификацию индейцев как единого политического субъекта.

Появление политических партий коренных народов занимает центральное место в политическом участии и расширении представительства. Как подчеркивает один из лидеров коренных народов Андрес Каюн, «через нашу собственную политическую партию мы можем достигать соглашений с политическими партиями, быть частью коалиций, которые предложат нам гарантии, но как равные, а не как подчинённые партийным требованиям, которые не являются нашими собственными» [17]. Здесь необходимо отметить, что при создании собственных политических партий коренных народов идеологическая совместимость играет второстепенную роль. Для коренных народов Латинской Америки гораздо важнее реальный политический проект и определённые конкретные общие требования. Более того, для Перу и Мексики иногда участие партий в местных выборах — это вопрос, аналогичный франчайзингу, когда местный лидер просто использует название партии, чтобы баллотироваться на выборах, а его/её последователи голосуют за него/ неё независимо от партии [18].

Тем не менее, эндогенные факторы сами по себе не могут объяснить недостаточную представленность коренных народов. В большинстве стран выборных должностных лиц из числа коренных народов, если они существуют, можно найти в основном на общинном или местном уровне, в муниципальных или региональных советах. Помимо Боливии, до настоящего времени представленность коренных народов на национальном уровне чрезвычайно низка, а в некоторых странах даже отсутствует.

Связано это, на наш взгляд, с наличием реальных барьеров в политических системах латиноамериканских стран для «входа» коренных народов. Первым препятствием является сбор данных о расовой и этнической принадлежности в ряде стран региона. Отсутствие показателей ограничивает видимость коренных народов в социальной статистике, и поэтому они не всегда учитываются в политике. Более того, в Перу и Мексики использование показателей разнообразия и этнических маркеров и/или их сочетания создаёт теоретические, эмпирические и политические проблемы, так как не существует единых представлений о том, кто является коренным населением и что значит быть его представителем.

Ещё одно препятствие связано с регистрацией избирателей, поскольку значительная часть

индейцев не имеют документов, удостоверяющих личность. А ведь наличие удостоверения личности или карточки избирателя является предварительным условием для (а) регистрации в списке избирателей, реестре избирателей или гражданском реестре, (б) фактического осуществления права голоса в день выборов, и/или (с) выдвижения кандидатуры на выборные должности. Для коренного населения трудности с регистрацией своей идентичности и последующим включением в списки избирателей представляют собой давнюю проблему.

Сложности возникают и с самим процессом регистрации. Это не только утомительно, но и поскольку коренным жителям приходится несколько раз выезжать в города или более населенные районы, постоянные затраты времени и денег являются препятствием для части населения, которая, как правило, находится за чертой бедности. Аналогичным образом, если представитель коренного народа хочет зарегистрироваться в качестве кандидата, все процессы и предоставление документации должны осуществляться в избирательных бюро, что подразумевает использование людских и экономических ресурсов, которыми кандидаты могут не располагать. Выход из этой ситуации специалисты видят в создании мобильных отделений регистрации избирателей, своего рода цыганских караванов, которые могут посещать изолированные общины коренных народов [19].

При решении этого вопроса также следует учитывать и существование определённых языковых барьеров. Многие представители коренных народов при регистрации в качестве кандидатов могут столкнуться с отказом, если они плохо говорят по-испански или даже могут не уметь писать, поскольку все требования и оформление документов в абсолютном большинстве стран должны выполняться на этом языке. Следует отметить, что привлечение персонала, говорящего на языках коренных народов в избирательные комиссии и участки, может быть связано со значительными затратами (в случае Мексики, например, речь должна идти об использовании 68 языков коренных народов) [20].

Проблемы, аналогичные проблемам с регистрацией, возникают непосредственно и в день выборов. Тенденция концентрировать избирательные участки в городах серьёзно подрывает возможность участия коренных народов в голосовании. Ещё более негативные последствия имеет совпадение дат выборов с периодом сбора урожая или традиционными индейскими праздниками.

Давая оценку электорального поведения коренных народов, следует учитывать и тот факт, что в ряде стран региона точные данные об их участии в выборах просто отсутствуют, поскольку, несмотря на требования организаций коренных народов, в списках избирателей нет информации об их этнической принадлежности.

В большинстве стран Латинской Америки законодательные требования затрудняют регистрацию партий коренным населением не только по причинам, указанным выше, таким как расстояние до регистрационного бюро и языковые барьеры, но и из-за институциональной дискриминации. Здесь возникает несколько проблем, среди наиболее актуальных мы можем выделить следующие. Во-первых, действующие правила проведения выборов не предусматривают выдвижения независимых кандидатов на все уровни власти, что вынуждает коренные народы, которые хотят выдвинуть свою кандидатуру, обращаться к существующей политической партии и, следовательно, принимать ее условия. Во-вторых, большинство избирательных регламентов в регионе устанавливают минимальное число сторонников для принятия регистрации политической партии или независимого кандидата. Коренным народам может быть сложнее привлечь необходимое количество сторонников из-за средств коммуникации, разрозненности общин и потому, что в их регионе просто может не быть нужного числа граждан из числа коренных народов. Таким образом, сложные или чрезмерные требования затрудняют соблюдение коренными народами стандартов регистрации кандидата или политической партии.

Несмотря на существование целого ряда препятствий на пути расширения представительства коренных народов в органах власти латиноамериканских государств, мы видим в этом регионе и целый ряд положительных примеров.

В первую очередь, речь, конечно, идёт о Боливии, где в 2005 году произошло историческое событие — впервые в истории страны президентом страны стал представитель коренного населения — бывший лидер профсоюза производителей коки индеец аймара Эво Моралес. Его вынужденный уход с поста президента в 2019 году и приход к власти временного президента Жанин Аньес, не включившей в состав своего кабинета ни одного представителя коренных народов, на первый взгляд казался концом правления партии «Движение за социализм», отражавшей интересы коренных народов. Однако уже в 2020 году на выборах эта партия и её кандидат на пост пре-

зиденте Луис Арсе сумели одержать внушительную победу [21].

В Эквадоре после индейских восстаний 1990 и 1992 годов, организацией которых занималась Конфедерация коренных народов Эквадора (Confederation de Nacionalidades Indegenas del Ecuador — CONAIE), правительство страны вынуждено было пойти на некоторые уступки. Индейским племенам Амазонки было возвращено около 3,5 млн. гектаров земли, а также впервые была признана необходимость перехода национальной системы образования на двуязычие [22]. В этот период времени (1995 год) формируется и главная политическая партия индейцев кечуа «Движение многонационального единства Пачакутик — новая страна», первоначально возникшая как политическое крыло CONAIE, но затем приобретшая самостоятельность в качестве партии, выступившей за кардинальное обновление государства и общества. В результате, в 1998 году в ходе конституционной реформы удалось добиться включения в текст основного закона признания Эквадора «поликультурной и полиэтнической страной», а также признания широкого спектра коллективных прав коренных народов [23]. Наряду с этими институциональными достижениями, партия также приобрела сильное вне институциональное влияние, особенно после того, как возглавила уличные протесты, которые привели к свержению двух президентов [24]. В 2003 году представители коренных народов вошли в правительство, возглавляемом полковником Лусио Гутьерресом. Несмотря на недолговечность, это стало важным прецедентом, приведшим к изменению отношения различных социальных слоев к движению. Лучших же электоральных результатов коренным народам Эквадора удалось добиться в ходе выборов 2021 года. Кандидат на пост президента от Пакачутик Яку Перес в первом туре выборов занял 3 место, получив 19,39% голосов избирателей, уступив будущему президенту Гильермо Лассо лишь 0,35% голосов [25]. На выборах в национальный парламент Пакачутик добилась второго результата (16,81%), получив 27 из 137 депутатских мест [26]. К сожалению, повторить этот успех на досрочных выборах 2023 года партии не удалось из-за разразившегося внутреннего кризиса.

В Колумбии после муниципальных реформ число представителей коренных народов увеличилось с 34 кандидатов и 22 выборных должностных лиц в 1986 году до 20 511 кандидатов и 1918 выборных должностных лиц в 2019 году. Аналогичным образом, после реформы избира-

тельной системы, проведенной в 2003 году, число зарегистрированных кандидатов в Сенат выросло с 3 кандидатов от коренных народов в 1999 году до 30 в 2014 году [27]. Более того, коренные народы Колумбии в настоящее время более открыты для создания политических альянсов. В результате этого стало возможным разрабатывать общую повестку дня, объединяя и консолидируя организации коренных народов на региональном и национальном уровнях. В целом, реформы способствовали внесению изменений в стратегии электоральной борьбы коренных народов и побудили другие некоренные политические силы включить некоторые требования индейцев в свою повестку дня, чтобы добиться поддержки среди растущего электората коренных народов [28].

Другим вариантом увеличения представительства коренных народов являются конкретные позитивные действия, которые могут принимать форму избирательных квот, зарезервированных мест в органах представительной власти, особых избирательных округов или исключительных избирательных порогов. Целью этих инклюзивных избирательных систем является противодействие предубеждениям в отношении участия обездоленных или маргинализированных социальных групп, когда они сталкиваются с препятствиями для доступа к обычным каналам избирательных систем. Это делается путём установления фиксированных квот, особых требований и/или преференциального режима для исключенных групп населения, чтобы ускорить их доступ к должностям, связанным с принятием политических решений. Благодаря подобным механизмам позитивных действий, действительно, в определенной степени удастся повысить уровень представительства коренных народов, однако оно, к сожалению, может носить и чисто формальный характер. Так, в некоторых регионах Перу закон 2002 года установил, что политические партии должны резервировать 15% своих списков в Конгресс для кандидатов коренного происхождения. Политические партии формально соблюдают применение квоты, однако, как показывает практика, принадлежность к определенной этнической группе еще не гарантирует готовности защищать ее интересы. Чтобы избежать этого, в Колумбии дополнительным требованием для избрания в Сенат является то, что кандидат должен занимать руководящую должность в своей общине или быть лидером организации коренных народов [29].

По мере того, как коренные народы становятся важными акторами в политической электоральной среде, как это произошло в таких странах,

как Боливия и Эквадор, их движения и организации начинают дополнять свои исторические этнические и культурные требования другими, более привлекательными для граждан страны в целом, что и дает им возможность выйти за рамки своего традиционного электората. Именно это и стало залогом успеха боливийского «Движения за социализм» в 2020 году. В то же время перед партией и лидерами из числа коренных народов, добившихся успеха на общенациональном уровне, может возникнуть серьёзная дилемма, заключающаяся в необходимости делать выбор между правами общин коренных народов и перспективными проектами национального развития, как это произошло в 2011–2012 году с Эво Моралесом в ситуации с проектом строительства дороги, которая соединила бы Бени с Кочабамбой через сердце охраняемого национального парка Исиборо и территорию коренных народов [30].

Другая проблема связана с тем, что демократия — это власть большинства. Соответственно, даже когда индейцы становятся членами представительных органов власти, оставаясь, как правило, в меньшинстве, они рискуют, что участие коренных народов сведётся лишь к формальному включению, а их представительство будет служить лишь легитимизации системы. В какой-то степени этого можно избежать путём ведения переговоров и создания альянсов с другими партиями. Однако здесь остро встаёт вопрос о том, как избежать тех порочных практик, от которых страдают традиционные партии Латинской Америки: коррупции, клиентелизма, предпочтения личных целей, утечки информации, отсутствия подотчетности и так далее.

Особую трудность вызывает решение задачи совмещения традиционных институтов с либерально-демократическими. В качестве примеров можно привести ситуацию с Зонго в Боливии, где власти коренных народов, экспроприировавшие шахту, впоследствии были обвинены в краже и арестованы [31]; или случай Черана в Мексике, где традиционные лидеры общины отстранили от власти женщину, избранную в соответствии с демократическими процедурами, за то, что она начала действовать «вразрез с обычаями и традициями» [32]. В этой связи непонятно, каким образом общины коренных народов найдут способ добиваться расширения своих коллективных прав, таких как автономия и признание земель, не вступая в противоречие с либеральными конституциями своих национальных государств. Другими словами, как согласовать коллективные и индивидуальные права.

Коренные народы — это граждане, живущие в особенно сложном мире, где их внутренние социальные отношения и культура определяют многие из их выборов и большую часть их поведения, одновременно находясь под влиянием более широких контекстов коллективной политической маргинализации, миграционным выбором и личными решениями о том, как бороться с бедностью, сохранять свою культуру и традиционную среду обитания. По этой причине участие коренных народов следует понимать не просто как участие в выборах или получение представительства, а скорее как пусковой механизм более широких культурных изменений в общественных системах их стран. Соответственно, анализ успехов и неудач политического представительства коренных народов в Латинской Америке даёт возможность лучше понять механизмы, процедуры и условия, которые могут привести к созданию более эффективных правил и структур для содействия политическому представительству коренных народов.

Библиография

1. ООН отмечает День коренных народов [Электронный ресурс] // Отдел новостей и СМИ. Радио ООН [сайт]. URL: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/92857> (Дата обращения: 20.12.2023).
2. The World Bank. Indigenous Latin America in the Twenty-First Century. Washington, DC: World Bank. 2015. Pp. 19-20
3. Шинкаренко А.А. Индейский вопрос: международно-правовые аспекты // Латинская Америка. 2009. — № 2. С. 66-75.
4. Шинкаренко А.А. Проблемы политического участия индейских движений / Индейский мир перед вызовами XXI века. Сб. статей. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2011. С. 11-37.
5. Шинкаренко А.А. Становление индихенизма в Латинской Америке // Латинская Америка. 2011. — № 10. С. 76-88.
6. Бедни Э. Индейское движение в Андских странах в конце XX — начале XXI века (на примере Эквадора). Диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Рос. ун-т дружбы народов. Москва, 2010. — 171 с.
7. Кретов С.М. «Возрождение этничности» в глобализирующемся мире: пример латиноамериканских индейских движений // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12. — №5. С. 44-63.
8. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml
9. Cartuche I. De la plurinacionalidad del Estado a los gobiernos comunitarios / Abarca M. (Ed.), *jAsí encendimos*

- la mecha! Treinta anos del levantamiento indigena de Ecuador: una historia permanente. Abya-Yala. 2020. P. 47.
10. Augsburg A., Haber P. Constructing indigenous autonomy in Plurinational Bolivia: Possibilities and ambiguities // *Latin American Perspectives*. 2018. — №. 45(6). P. 55.
11. Gillooly S. N. Indigenous social movements and political institutionalization: A comparative case study // *Politics Groups and Identities*, 2019. — №.8. P. 4.
12. Tricot V., Bidegain G. En busca de la representation politica. El partido mapuche Wallmapuwen en Chile // *Estudios Sociologias*. 2020. — №. 38 (113). Pp. 406-407.
13. Vazquez Correa L. Representation Politica y Acciones Afirmativas indigenas: la Agenda pendiente. Direccion General de Analisis Legislativo. Instituto Belisario Dominguez. 2020. Pp. 45-46.
14. Cespedes Bravo R. N. Representation politica efectiva en grupos de Hderes indigenas del Peru. Universidad Antonio Rm'z de Montoya. 2019. P.15
15. Natal A. Indigenous Political Representation in Mexico: Myths and Realities / A. Albala, A. Natal (eds.), *Indigenous Political Representation in Latin America*. Springer Nature Switzerland AG, 2023. Pp. 129-130.
16. Election Guide. Republic of Guatemala. Election for Congreso de la Republica. [Электронный ресурс] URL: <https://www.electionguide.org/elections/id/2419/> (Дата обращения: 27.02.2024).
17. Tricot V. Indigenous Representation in Chile. //Albala A., Natal A. (eds.). *Indigenous Political Representation in Latin America*. Springer Nature Switzerland AG. 2023. — P.193
18. Albala A. Civil society and political representation in Latin America (2010-2015): Towards a divorce between social movements and political parties? Springer. 2017. Pp. 96-97.
19. Albala A., Natal A. (eds.). *Indigenous Political Representation in Latin America* Springer Nature Switzerland AG, 2023. P. 244.
20. CDI (Comision Nacional para el Desarrollo de los Pueblos Initigenas). *Indicadores socio- economicos de los pueblos indigenas de Mexico*, 2017. CDI. P. 5.
21. The Carter Center. Analyzing Bolivia's 2020 General Elections Final Report June 2021. [Электронный ресурс] URL: https://www.cartercenter.org/resources/pdfs/news/peace_publications/election_reports/bolivia-2020-final-report.pdf (Дата обращения: 01.03.2024).
22. Becker M., Stahler-Sholk R. Indigenous movements in Latin America / *Oxford research encyclopedia of politics*. Oxford: Oxford University Press. 2019. P. 34.
23. Конституция Эквадора, 1998 г. [Электронный ресурс] URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=2759> (Дата обращения: 15.02.2024)
24. Lalander R., Ospina Peralta P. Movimiento indigena y revolution ciudadana en Ecuador // *Cuestiones politicas*. 2012. 28(48). Pp. 13-50.
25. Most voted candidates in the 2021 general presidential elections in Ecuador. [Электронный ресурс] URL: <https://www.statista.com/statistics/1202112/share-votes-cast-general-presidential-election-ecuador/> (Дата обращения: 10.02.2024)
26. PRESENTACIÓN DE RESULTADOS FINALES ELECCIONES GENERALES 2021 [Электронный ресурс] URL: <https://app01.cne.gob.ec/Resultados2021> (Дата обращения: 13.02.2024)
27. Laurent V. Peuples indigenes, territoires et resistances en Colombie. De la lutte pour la terre a la liberation de la Madre-Tierra // *Les Cahiers D'Outre Mer*, 2021. — №.284. P. 268.
28. Laurent V. Dinamicas politicas indigenas en contexto de transition en Colombia. Apuestas y resistencias alrededor de las elecciones de 2018-2019 // *Estudios Politicos*. 2022. — №. 63. Pp. 159-184.
29. Agudelo C., Boullosa-Joly, M. Dossier Paradoxes et ambiguites des politiques multi- culturelles // *Problemes d'Amerique Latine*. 2015. — №.92. P. 8.
30. Cunha Filho C. M. Formacao do Estado e Horizonte Plurinacional na Bolivia. *Appris*. 2018. Pp. 97-98.
31. Fabricant N., Gustafson, B. The political economy of gas, soy and lithium in Morales's Bolivia // *Bolivian Studies Journal / Revista de Estudios Bolivianos*, 2019. — №. 25. Pp.45-59.
32. Natal A. To cooperate or not? That is the Question. The costs of cooperation in com-munity participatory development. Saarbtucken: Lamberth Academic Publishing. 2018. P. 43.

GRIBANOVA G.I., YUDIN V.I. INDIGENOUS POLITICAL REPRESENTATION IN LATIN AMERICA: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Gribanova Galina Isaacovna — Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Head of the International Political Processes Department, Sain Petersburg State University, GGribanova@yandex.ru

Yudin Valery Ivanovich — Doctor of Political Sciences, expert of the Foundation for the Support of Interethnic Culture and Public International Relations, Valeriyudin@yandex.ru

Abstract. In many Latin American countries, indigenous peoples make up a significant part of the electorate, thus creating potential opportunities for their active participation in the formation of power structures. However, for a long time, the ruling elites have sought to limit their representation at all levels of government and local self-government. The situation began to change only after the process of democratization of political systems and regimes began in the 1980s. Based on the methodology of comparative analysis, the article assesses the successes and failures of indigenous peoples' movements seeking adequate representation of their interests in various Latin American countries. Special attention is paid to the problem of creating their own political parties capable of representing and defending not only the rights of indigenous people, but also, in general, contributing to the democratization of political processes in the region, expanding the boundaries of representative democracy in fairly complicated socio-economic and institutional conditions.

Key words: international law, Latin America, indigenous peoples, Indians, Quechua, Aymara, Mexico, Peru, Ecuador, Bolivia, representation, political parties, elections